

В ноябре 2009 года Феликсу Давидовичу Кохрихту исполняется 70 лет. Всемирный клуб одесситов, редакция нашей газеты поздравляет его с этим замечательным юбилеем!

Энергии, организаторским способностям, журналистскому таланту Феликса Кохрихта мы обязаны тем, что вот уже десять лет выходит альманах "Дерибасовская — Ришельевская", ставший центром притяжения краеведов и историков, художников и поэтов, публицистов и музейщиков, а точнее — интеллигенции нашего города. А сколько выставочных, музыкальных проектов осуществлено по его инициативе!

Желаем Феликсу Давидовичу еще много лет столь же плодотворно трудиться во имя культуры нашего города!

Публикуем новую статью Феликса Кохрихта, специально написанную для нашей газеты.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Мой прадед самых честных правил...

Что я знал о нем еще лет двадцать назад? Только то, что отец — Давид Израилевич Кохрихт — рассказывал мне в детстве, а он был скуп на семейные воспоминания. В послевоенные годы — в преддверии и предчувствии "дела врачей" (речь, разумеется, идет не о профессиях, а о национальности и происхождении), он полагал, что чем меньше я буду знать о своих богатых предках, тем спокойнее мне будет житься... У него были на то все основания — собственная судьба.

Отпрыск рода известных одесских ювелиров, он, один из наследников семейного Дела, предпочел учебу за границей участие в первой мировой войне. Рослый еврейский юноша прибавил себе два года и отправился на фронт, где заслужил два Георгиевских креста, две таких же медали и чин унтер-офицера. Был тяжело контужен, отправлен в московский госпиталь, где его распропагандировали большевики. В Одессу вернулся в 1919 году — в солдатской шинели с красным бантом и в темных очках — восстанавливал зрение. Своих родичей не застал — они совсем недавно уехали во Францию...

Так образовались две ветви рода Кохрихтов — одесская и парижская, которые нынче представляю я, моя племянница Нина (живет в Израиле) и моя троюродная сестра Тамара. К ней я еще вернусь, а пока отправимся в 20-е годы, когда отец — один из руководителей городской милиции — сражался с бандитами, дружил со знаменитыми сыскарями, — некоторых из них я знал спустя многие годы... Разумеется, в советское время переписка между родственниками была невозможна, и мы не знали друг о друге ничего. До тех пор, пока несколько лет назад Тамара не разыскала меня на сайте Всемирного клуба одесситов и альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

Большую часть жизни я практически ничего не ведал о своих предках. Да и откуда мне было знать о них, если все документы и семейные фотографии погибли

во время войны. Из квартиры на Софиевской, 13, летом 1941 года ушли на фронт отец (его вскоре комиссовали — сказались старые раны и контузия) и старший брат Абрам, ставший офицером-орденоносцем... Да и родители, как я уже говорил, практически ничего мне не рассказывали.

Но вот в конце 70-х товарищ — архитектор Евгений Оленин, готовивший свой "Проект-Одесса", нашел в старых газетах рекламу "Депю часов, бриллиантовых, золотых и серебряных вещей И.Я. Кохрихта в Одессе". Был и адрес — Дерибасовская, дом Вагнера. Я сразу же вспомнил, что отец называл мне этот известный дом — там находился главный ювелирный магазин прадеда, а в дворе флигеле жила его большая семья, в которую осиротевшего внука Давида взяли после смерти отца — одного из сыновей Исаака Яковлевича. Израиль Кохрихт умер совсем молодым, а вскоре безвременно ушел из жизни и его брат Яков, дед Тамары...

О многом и важном я узнал совсем недавно благодаря изысканиям друзей — писателей и краеведов Ростислава Александрова и Олега Губаря. Буквально несколько дней назад Ростислав сообщил мне дату открытия этого самого бриллиантового Депо — 7 февраля 1889 года. Нынче нашей фирме было бы уже 120 лет — для Одессы срок немалый... Но еще раньше, как выяснилось, Кохрихты владели харчевнями (родоначальники одесского общепита) в разных районах города, в том числе и в престижнейшем доме Попудова на Соборной площади. К началу 20 века был широко известен и магазин в "Пассаже" — здесь во время войны чуть ли не первыми в России господам офицерам предлагали специальные водонепроницаемые часы...

Валерий Хаит разыскал и подарил мне шутильные куплеты о магазинах Кохрихтов — их распевали популярны тогда Зингерталя и его соратники по эстраднему искусству. Редактор журнала "Фаво-

рит" Галина Владимировская презентовала миниатюрную изящную коробочку из-под кольца, а университетская коллега жены Людмила Луговская — вилку с клеймом фирмы. Но самым весомым и ценным обретением стали каминные часы середины 19 века с надписью на циферблате "J. Kochricht". Их принесли в галерею "Либерти", и ее куратор Аня Голубовская тут же позвала меня... Теперь они украшают нашу квартиру, а их бой уносит нас в старую Одессу. Знаменательно: двери галереи выходят на ворота Дома Вагнера со стороны Ланжероновской, где когда-то был магазин, в витрине которой эти часы стояли...

Но вернемся к Тамаре Кохрихт — троюродной сестре, с которой нам еще предстоит увидеться. И она буквально по крупицам собирает факты истории семьи. Наши судьбы, к сожалению, на удивление схожи. Хотя парижские Кохрихты и избежали ужасов гражданской войны и сталинского режима, огромные утраты они, как и мы, понесли в годы второй мировой — Великой Отечественной войны и Холокоста.

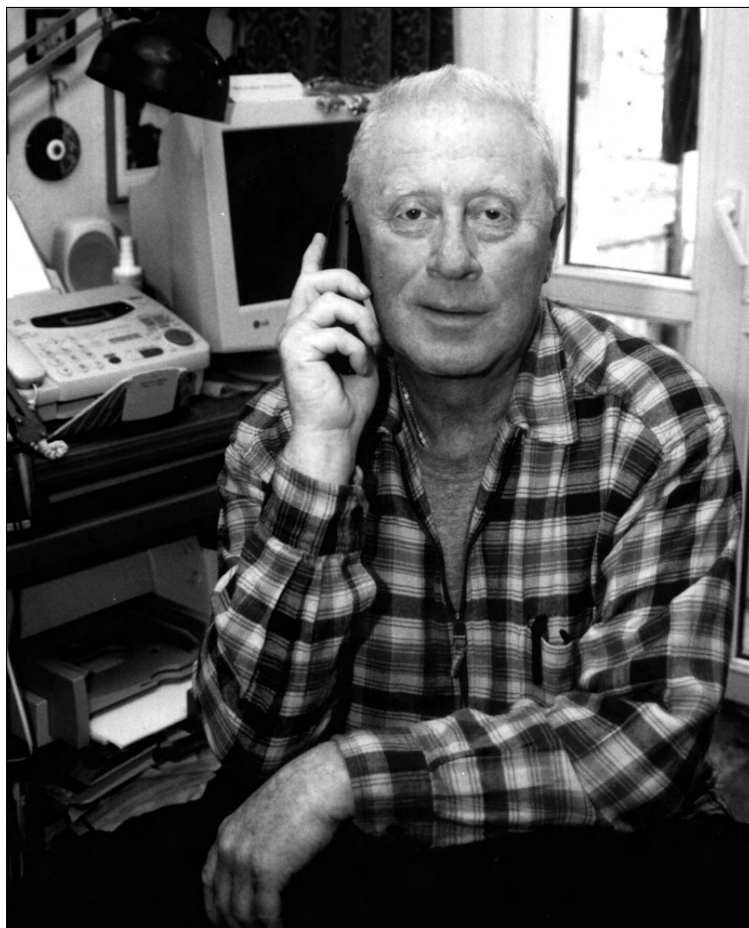
Поразительно схожи стали судьбы наших бабушек по отцовским линиям.

Мою — Екатерину, вдову купеческого сына Израиля Кохрихта, зимой 1941 г. выдал дворник, а затем румынские фашисты и их пособники облили ее водой, и она превратилась в ледяную статую на углу Софиевской и Торговой...

Софью Кохрихт, вдову купца первой гильдии Якова Кохрихта, в 1944 году гестапо арестовало в Париже, и она вскоре приняла смерть в концлагере...

Погибли на фронте, стали жертвами бомбежек, болезней, мучениками Холокоста десятки наших родственников.

Многие из них в далеком 1913 году наверняка провожали в последний путь главу семейства — купца первой гильдии Исаака Яковлевича Кохрихта, скончавшегося 68 лет отроду. Газета "Одес-

Среди внуков в тот одесский августовский день наверняка был и мой юный отец. Пройдет год, начнется первая мировая, а вскоре за ней — и вторая...

Почему же я вынес в заголовок этих заметок пусть переименованную, но все же Пушкинскую, да еще — онегинскую строку? Полагаю, что молодой ссыльный поэт вполне мог не только вкушать изысканные яства в ресторане Оттона, но и наслаждаться одесской кухней в харчевнях Кохрихта. Кроме того, прадед был натурой не только энергичной и предприимчивой, но и человеком отзывчивым. Он жертвовал на нужды санатория "Эзрас-Хойлим", где лечились и бедняки, откликнулся на призыв основателя сионизма Теодора Герцля и внес средства на покупку земель в Палестине.

Олег Губарь нашел купца Исаака Кохрихта в списке одесситов, внесших деньги на создание в Одессе памятника Пушкину.

Когда я набирал на компьютере эти заметки, позвонил Ростислав Александров и сообщил, что только что нашел в архиве очередную запись — о рождении у Исаака и Леи Кохрихт дочери Марии 19 мая 1882 года — нашей с Тамарой двоюродной бабушки, о которой ни я, ни моя парижская кузина, ни моя израильская племянница еще сегодня ничего не знали...

Феликс КОХРИХТ

Александр РАПОПОРТ Слово о Вороне

Разговаривая прозой, был я здравый и тверезый. Отключив компьютер в полночь, помню, вышел на балкон, на балкон я только вышел — а живу под самой крышей — звук отчетливый услышал с этим ритмом в унисон, телеграфный, неурочный, словно правом наделен полуночный почтальон.

В черной форме порученец, пунктуальный, точно немец, гробовщик из фирмы "Liebe", либо просто из SS, Мефистофелю приятель, ворон, ты стучишь, как дятел, или ты под старость спятил? Ты разбудишь весь подъезд, всех, кто видит сны воочью, воспарив от бранных мест, вдов, молодок и невест.

Говорю ему: "О, дерзкий! У тебя характер мерзкий, появление черной птицы — несомненный знак беды, но бояться нет причины, сложим мы с тобой секстины для Елены и Элины, подберем, глядишь, лады, без туфты и тавтологий, без повторов и воды, нам приметы — до балды".

Оценив мое вступленье, отряхнул он оперенье, соскочил с перил проворно, важно в комнату вступил

и взлетел на бюст у входа выкреста и сумасброда, чьи стихи из уст народа слышать больше нету сил. Сохранив невозмутимость, "Как зовут Вас?" — я спросил. — Гурнышт!** — ворон возгласил.

Вижу, гость попался редкий. — Где, в какой сидел ты клетке?

Был удачлив твой хозяин, если часто повторял это умершее слово, что явилось из Былого, признаюсь, услышать снова звуки эти я не ждал. Расскажи, перед кончиной что тебе он прошептал? — Гурнышт! — ворон проорал.

И значенье, и звучанье — как от дяди завещанье. Что ты знаешь, старый ворон, но не хочешь объяснить? что ты помнишь, что ты значишь, в снах моих зачем маячишь, черным маятником скачешь, не по летам эта прыть... Поделись же, мудрый ворон, растолкуй, как дальше быть. Гурнышт, укажи мне нить.

Кем ты послан, мрачный ворон? Теми ли, кто был прикован к штетлу*** своему и быту, облику и языку,

кто судьбу не объегорил, как удачливый Егорий, чье разлившееся горе не уложится в строку, и о ком тебе досталось крикнуть, сидя наверху, "Гурнышт!", словно петуху.

Ну а Тот, Кто правит нами, не ведет ли к новой яме? Все обеты позабыты, упований больше нет, льдом затягивает лужи, а затем приходит стужа и оковывает души. Он король или валет? Отвечай, что он за карта: туз, король или валет? — Эр из гурнышт,**** — был ответ.

— Ворон, судя по ответам, ты в разладе с целым светом. Кроме правил отрицанья, ты не знаешь ничего. Перед тем как подытожить, все готов на нуль умножить, все реально уничтожить, непонятно для чего. Неужели мудрость в этом, квинтэссенция всего в "гурнышт", слове "ничего"?

Гость, хотя не подал виду, затаил в душе обиду, на вопрос не отвечает, чистит клюв и воду пьет. Говорю: "Дай дверь прикрою, голова как с перепоем от общения с тобою, что за дикий переплет?!" И заметил он надменно, глядя вдаль, вверх, вперед: "Гурнышт, голова пройдет..."

* Liebe [либэ] (нем.) — любовь
** Гурнышт (идиш) — ничто, или ничего
*** Штетл (идиш) — местечко
**** Эр из гурнышт (идиш) — "Он — пустое место"